

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ НОМИНАТИВНЫХ ЦЕПЕЙ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ)

Я. БУЙТКЕНЕ

Связность — важнейшее свойство любого текста: научного, публицистического, художественного. Внутритекстовая связность обеспечивается элементами всех текстовых уровней: фонологического, морфолого-синтаксического, лексического и стилистического [Харитоновна, 1979].

Наилучший путь анализа лексических единиц как средств связи — через номинативные цепи. Как показывает лингвистическая литература, ученые едины в понимании сущности номинативных цепей, описываемых как „последовательность наименований одного и того же объекта“ [Гак, 1976, с. 9]. Немецкий ученый Е. Агрикола употребляет термин „изотопия“ — она возникает в тексте благодаря одно- или многократной рекуррентности семантически эквивалентных элементов. Лежащее в основе изотопии понятие семантической эквивалентности включает синонимию, антонимию, контраст и перифразирование [Agricola, 1975]. Другой немецкий языковед Д. Фиегер видит сущность понятия номинативных цепей в том, что однажды введенное в текст обозначение предмета посредством одно- или многократной рекуррентности полностью или частично воспроизводится [Viehweger, 1978].

Общеизвестно, что денотатом каждого отрезка текста, каждого сверхфразового единства (СФЕ) является определенный кусок объективной действительности как совокупность огромного множества взаимосвязанных друг с другом предметов, явлений, свойств, процессов и т.д., т.е. ситуация [Сусов, 1973]. Сложность внелингвистического денотата СФЕ обуславливает то, что в нем языковыми средствами реализуется несколько ситуантов [Дегтярев, 1978] одновременно. В каждом конкретном единстве не все они в одинаковой мере релевантны с точки зрения его восприятия и построения. Как свидетельствуют некоторые лингвистические исследования [Gleason, 1968], субъект действия и действие составляют ту ось, вокруг которой концентрируется смысл любого СФЕ. Это особенно касается текстов повествовательного типа. Вот почему те номинативные цепи, которые на протяжении СФЕ отображают данные ситуанты, нами считаются центральными в организации лексико-семантического уровня языка, а все остальные, представляющие объект дейст-

вия, его пространственные и временные координаты – периферийными [Gutwinski, 1974].

Таким образом, при анализе СФЕ повествовательного типа в работе выделяются номинативные цепи по двум центральным линиям: смыслового субъекта и события. Линия субъекта требует некоторых пояснений. Под смысловым субъектом понимается лицо (или предмет), совершающее какое-либо действие, испытывающее его, находящееся в определенном состоянии, т.е. все то, что по терминологии глубинных падежей именуется агенсом (в случае совпадения глубинно-семантических и синтаксических функций), неагенсом, квазиагенсом, пациенсом и т.д. (в случае несовпадения данных функций) [Валейка, 1980].

Лексические повторы в составе номинативных цепей могут выполнять несколько функций. Наиболее характерными для них являются чисто структурная, структурно-смысловая и структурно-стилистическая.

Чисто структурная функция повтора понимается как его способность соотнести два компонента текста, указывая на тот же самый денотат без дополнительной смысловой или экспрессивно-эмоциональной информации. Данную функцию чаще всего выполняет дословный повтор и определенная часть синонимического повтора.

Под структурно-стилистической функцией повтора понимается его способность не только осуществлять связь двух компонентов СФЕ, но и одновременно оказывать эстетическое воздействие на читателя; притом, выражение оценочного или субъективно-оценочного отношения говорящего, усиление эмоционально-экспрессивного потенциала всего текста становятся ведущими признаками повтора, а его связующая функция как бы погашается. Данную функцию может выполнять любой вид повтора; однако синонимический повтор обладает наиболее широкими возможностями в этой области.

Структурно-смысловая функция повтора проявляется в том, что он, наряду с целями связи, служит также целям дополнительной характеристики, детализации, целям пояснения, уточнения описываемого объекта, явления и т.д. Почти все виды семантического повтора способны передать дополнительную логико-предметную информацию об описываемом элементе ситуации, однако данная способность проявляется в зависимости от вида повтора.

Вышеуказанные функции (чисто структурная, структурно-смысловая, структурно-стилистическая) лучше всего проявляются в составе номинативных цепей. Номинативные цепи, репрезентирующие линии смыслового субъекта и события в повествовательном тексте, выполняют одну из двух функций универсального характера: идентификации или развития повествования. Данные функции, следовательно, определяют структуру цепей. Номинативные цепи, которые идентифицируют определенный ситуант в СФЕ, состоят из элементов,

обладающих чисто связующей функцией. Цепи, которые развивают повествование по той или иной линии, содержат в себе элементы, связующая функция которых осложняется смысловыми или стилистическими аспектами. Сказанное позволяет, таким образом, выделить три главных типа номинативных цепей: 1) структурный, 2) логико-смысловой, 3) стилистический.

В данной статье наиболее подробно описываются номинативные цепи структурного и логико-смыслового типов, так как они являются релевантными для каждого СФЕ и обладают широкими возможностями в его лексико-семантической организации.

Номинативные цепи структурного типа характеризуются идентифицирующей функцией, так как их составные элементы выполняют в тексте чисто связующую функцию без дополнительной смысловой или стилистической информации. Первичное наименование объекта воспроизводится далее таким образом, что повторяются лишь те его черты, которые известны с первого указания, при сохранении идентичности стилистической окраски. Данные номинативные цепи состоят из дословного повтора и незначительной части синонимического повтора в случае репрезентации линии события. Когда же цепи структурного типа отображают линию субъекта, к данным повторам добавляются местоименной и имплицитный. Хотя местоименной повтор принадлежит к числу грамматикализованных средств связи [Гак, 1976], его нельзя обойти молчанием по той причине, что он присутствует почти в каждой цепи, репрезентирующей линию субъекта. Случаи эксплицитно не выраженного наименования субъекта также очень часты. Напр.: (1) – Trys dešimtys metų... – prašibžėdėjo *Janulis* ir atsiminė, kaip prieš trisdešimt metų, tėvų ir sesers lydimas, *išvažiavo* jis dīlīžanu jaunas, sveikas, gražus, energijos ir rimties pilnas vaikinas. *Išvažiavo* trumpam laikui pasižiūrėti žmonių, pamėginti laimės. *Išvažiavo*, žadėdamas vėl greitai sugrįžti į gimtąjį sodžių (Vieniuolis, p. 16).

(2) It was in these weeks that *Ursula* grew up. *She stayed* two weeks at Wigginton, and *she* hated it. All was gray, dry ash, cold and dead and ugly. But *she stayed*. *She stayed* also to get rid of Winifred (Lawrence, p. 351).

Данные СФЕ передают довольно сложные повествования, которые концентрируются вокруг своих стержневых элементов – повторов *išvažiavo*, *stayed*, объединяющих отдельные предложения в одно смысловое целое. Дословный повтор представляет собой опору, отталкиваясь от которой компоненты текста развивают повествование по той или иной линии. Он сам непосредственно не передает дополнительной логико-предметной информации об определенном ситуанте, а лишь воспроизводит его в каждом последующем компоненте СФЕ с целью установления его идентичности. Однако, признавая дословный повтор чисто структурным элементом текста, а цепи, содержащие его, – структурными, мы все же должны обратить внимание на тот факт,

что опосредованно данные цепи принимают участие в организации семантической стороны текста. Благодаря дословному повтору между компонентами СФЕ создаются логико-смысловые отношения, чрезвычайно важные для когезии текста [Буйткене, 1980].

Линии субъектов в данных текстах представлены имплицитным (лит. яз.) и местоименным (англ. яз.) повторами. Как показывают примеры, особенностью литовского языка (по сравнению с английским) является наличие номинативных цепей с имплицитно выраженным субъектом. Ср. нижеследующие примеры: (3) *Įžengęs į lūšnelę, senis atrėmė stiebą į sieną. Tamsoje surado butelį su vandeniu ir atsigėrė. Paskiau atsigulė į lovą. Jis užsitraukė ant pečių antklodę, užsiklojo pečius ir užmigo (...)* (Hemingvėjus, p. 98).

(4) *Inside the shack he leaned the mast against the wall. In the dark he found a water bottle and took a drink. Then he lay down on the bed. He pulled the blanket over his shoulders and then over his back and legs and he slept (...)* (Hemingway, p. 95).

Номинативные цепи, репрезентирующие линии субъектов, не совпадают в английском тексте и его переводе на литовский язык. Соответствия языковых средств выражения наблюдаются лишь в последних компонентах СФЕ (*jis — he*). В английском тексте цепь состоит из однородных элементов (местоименной повтор), в то время как литовский текст представляет варьирование повторных обозначений субъекта: первичное обозначение — имплицитный повтор — имплицитный повтор — местоименной повтор. Данные примеры, таким образом, свидетельствуют о некоторых интересных явлениях в анализируемых языках: с одной стороны, литовский язык тяготеет к экономии языковых средств, так как часто прибегает к имплицитному повтору; с другой, — то же самое наблюдается и в английских текстах, где чаще используется местоименной повтор по сравнению с первичным обозначением субъекта. Привязанность к местоименному повтору нередко придает английскому тексту двусмысленность (особенно при наличии двух субъектов), которую литовский язык устраняет благодаря повторному употреблению первичного наименования. Сравните следующие примеры: (5) *Just then he saw a man-of-war bird with his long black wings circling in the sky ahead of him. He made a quick drop, slanting down on his backswept wings, and then circled again* (Hemingway, p. 38).

(6) *Tuo metu senis pastebėjo priešais save paukštį fregatą, kuris, ištiesęs savo ilgus juodus sparnus, suko ratus danguje. Suglaudęs juos ant nugaros, paukštis staiga smigo žemyn, o pakilęs vėl ėmė suktis ratu* (Hemingvėjus, p. 25).

Как отмечалось выше, наряду с дословным, имплицитным и местоименным повторами, чисто структурную функцию в тексте выполняет также и незначительная часть синонимического повтора. Напр.: (7) *Išdardėjo, sudūrę nugaras. Tėvas veidū į arklius, Akvilė — į atgal bėgantį kelią. (...)* Paskui tie patys

ratai girgždėjo atgal. Tik jau iš lėto, žingine. Vežimas buvo prikrautas šakų, o jieduėjo šalia, bijodami pagalvoti apie kainą, kurią gali tekti sumokėti už tą, gulinčią ratų dugne (Avyžius, p. 98).

Вырисовывается следующая цепь: *ratai, vežimas, ratų*. Синонимический повтор *vežimas* не содержит в себе ни смысловой, ни стилистической информации по отношению к первичному обозначению *ratai*, так как вполне возможным является употребление дословного повтора на протяжении всей цепи: *Paskui tie patys ratai girgždėjo atgal. Tik jau iš lėto... Ratai...* Ср. также перевод данного текста на английский язык: *When they were returning home along the same road, the horse pulled the cart slowly, almost at a walk. The cart was loaded (...)* (Avyžius, p. 94).

Суммируя вышесказанное о номинативных цепях структурного типа, можно заключить, что они выполняют в тексте идентифицирующую функцию. Составными элементами данных цепей являются дословный, имплицитный, местоименный, синонимический повторы. Особенности структурных цепей в литовском и английском языках состоят в том, что в литовских текстах часто используются имплицитно выраженные цепи, в частности при представлении линии субъекта. В английском языке данное положение является почти исключением, вследствие чего, а также склонности английского языка к местоименному повтору номинативные цепи структурного типа довольно однообразны.

Как отмечают некоторые исследователи, „развитие повествования на семантическом уровне идет по линии уточнения, дополнения, противопоставления или сообщения признака“ [Гак, 1976]. Существование номинативных цепей лишь структурного типа не соответствует данному положению. Развитие повествования обеспечивается *номинативными цепями логико-смыслового типа*. Суть данных цепей заключается в том, что определенный ситуант, введенный первичным наименованием, воспроизводится далее при помощи повторных обозначений таким образом, что раскрываются новые черты, аспекты, сообщаются его типичные признаки и т.д. Вследствие того, что дополнительная информация о предмете может быть передана по разным направлениям, номинативные цепи логико-смыслового типа не представляют собой однородного явления. Такое положение делает возможным выделение некоторых подтипов данных цепей. Наиболее распространенными, на наш взгляд, являются следующие их разновидности:

а) *номинативные цепи расширяющего характера*. Характеризуются тем, что развивают повествование, вначале указывая на специфические черты, особенности объекта, которые далее получают обобщенное представление и осмысливаются на фоне СФЕ как самое существенное, что характеризует данный объект или действие. Напр.: (8) *Mykoliukas bėga kaip įdygtas, krauna, mina, braukia, triūsia, pluša, – ar maža Pats-Pamarnecko dvaruose darbų lažininkams! Dirba*

tikrai už du, už tris, niekadus nieko nesišaukdamas padėtų. Net kai tirštai žmonių aplink esti, Mykoliukas *dirba* vienas, varo vienas savo barą (Vaižgantas, p. 9). \

(9) These renovations completed, she *bought* a maple bed and bureau for the second bedroom (. . .). She also *acquired* a deep, comfortable chair for John to read in before the sitting-parlor fire (Stone, p. 97).

Цепи начинаются указанием на конкретные представления о действиях (*bėga, krauna, mina... — bought*); повторные обозначения действий посредством гиперонимических повторов (*dirba — acquired*) квалифицируют действия, описывают их в общей форме. В приведенных примерах расширение касается только линии действия при сохранении идентичности субъекта. Более интересными представляются те случаи, когда повествование развивается параллельно по обеим линиям и расширение пронизывает все СФЕ, становясь ведущим приемом в смысловой организации текста: (10) *Ir vienas dievas težino, kokiais takais ir keliais skrido žinia apie Jono mirtį. Bet nespėjo saulė patekėti, nespėjo įdienoti, o nuo vienkiemių jau bėgo persigandusios moterys, žingsniavo vyrai, sukdamimi lapines suktines. Prigužėjo, priskubėjo pilnas kiemas žmonių. Net karšinėčiai seniai atkreteno, pasiramsčiuodami obelinėm lazdom* (Baltušis, 1973, p. 60).

Наряду с гиперонимическим повтором расширяющую функцию в тексте выполняет и синонимический повтор, который понимается нами довольно широко. Так, одной из разновидностей контекстуального синонимического повтора считаются семантически опустошенные слова типа „вещь“, „случай“ и т.д. Напр.: (11) *Vaistininko padėjėjas Martynas Gudelis Kūčių naktį budėjo Kalpoko vaistinėje. Drauge su juo buvo panaktinis Jonas* (Vienuolis, p. 131).

(12) But standing before many pictures of almost unknown artists one feels they are made with *a will, a feeling, a passion and love*. And if one considers these *things*, am I so far wrong... (Stone, p. 299).

В данных примерах цепи расширяющего характера создаются при помощи слов широкой понятийной основы (*buvo — things*). Эти контекстуально-синонимические повторы, благодаря своему широкому семантическому содержанию, способны продолжить повествование о субъекте или действии таким образом, что сообщают лишь самые общие их свойства, т.е. констатируют факт наличия определенного объекта или совершения какого-либо действия;

б) *номинативные цепи сужающего характера*. Структура и функции данных цепей противостоят структуре и функциям *номинативных цепей расширяющего характера*, так как первичное наименование вводит субъект или действие в их общей форме, отвлеченной от несущественных признаков, а повторные номинации сужают представление о субъекте (действии), указывая на их отдельные стороны, аспекты. Данные цепи состоят из гипонимического,

синонимического, ситуативного повторов. Напр.: (13) Kai Augustinas buvo jau visai paneigtas kaip gaspadorius, Kazys Pečiūra ir namuose *pradėjo daryti tvarką*: motiną su užkuriu ir su savo broliu Benedoku *apgyvendino* kamaroje, o pats su savo žmona *įsikūrė* gryčioje. Be to, *paskyrė*, kam kuri klėtis, kuris gurbas, kuriam kurią karvę melžti. *Sutvarkė* ir kitus ūkio reikalus (...) (Vienuolis, p. 352). (14) Earlier in the afternoon, returning from session with Nolan Wainwright, Alex had paced his office, seeking to place *recent events* in true perspective. Yesterday's *announcement* by Ben Rosselli was a major cause for reflection. So was the resultant *situation* in the bank. So, too, were *developments*, within recent months, in Alex's personal life (Hailey, p. 66).

в) *номинативные цепи уточняющего характера*. Развивают повествование таким образом, что введенный первичным наименованием ситуант уточняется последующими элементами цепи путем указания на разные его аспекты, стороны, способ совершения действия, его интенсивность и т.д. Обратимся к примерам: (15) Lipo jis iš traukinio kiekvienoj stoty, *žiūrėjo*, kaip žmonės sėda į vagonus, vaikštinejo išilgai traukinio į vieną ir antrą galą. Ir *žmonės grįžčiojo* į jį. Ne taip dažnai galėjai pamatyti žmogų su šitokia barzda. Ir dar lietuvi. Barzdoti buvo tik rusai (Baltušis, 1973, p. 171).

Интерес представляет номинативная цепь, репрезентирующая линию события *žiūrėjo* – *grįžčiojo*. Но так как действие совершается двумя субъектами – *jis* и *žmonės*, каждый из которых совершает его не одинаковым образом, данная цепь в таком случае фиксирует разные аспекты одного и того же действия. Синонимический повтор дает более конкретное представление о действии, сообщая некоторые подробности о нем.

Данные цепи, уточняя линию события, раскрывая разные аспекты протекания действия, в некоторой степени характеризуют и субъекты. Напр.: (16) Prie didžiųjų akivarų *sugirgeno* žąsys. *Parskrido* jos. Jau *parskrido*. Tuoj *atsiras* ir antys. Ir gervės *parliurliuos* kabline vilkstine. Ėjo vėl pavasaris. Naujas pavasaris Kairabalėj (Baltušis, 1979, p. 64).

(17) Mrs. Jay, aware that impropriety is the soul of wit, *made observations* in tones hardly above a whisper that might well have tinged the snowy table-cloth with a rosy hue. Richard Twining *bubbled* over with quaint absurdities (...). Mrs. Strickland *did not talk much*, but she had a pleasant gift for keeping the conversation general; and when there was a pause she *threw in* just *the right remark* to set it going once more (Maugham, p. 32).

Разноаспектная номинация действия может касаться и одного субъекта: (18) Laibakalbelio *nebėra*. *Krito* gal nuo hitlerinio okupanto kulkos, kaip krito tūkstančiai Lietuvos žydų. Gal *užgeso* bado nunokintas už spygliuotų mirties lagerio vielų kur nors Kaune ar Maidaneke (Baltušis, 1976, p. 21).

Уточнение действия также осуществляется путем указания на разную степень интенсивности действия или признака. Напр.: (19) Tačiau kun. senelis apširiko, manydamas iš Jono širdies išvaręs velnią. Jis ten tebeglūdėjo ir *ėdė* Joną kaip koks soliteris dieną ir naktį. Tiesiog *čiulpė* iš jo visą gyvybę (Vaižgantas, p. 192). (20) *I felt quiet and lorn during those three days in Amsterdam; I felt absolutely miserable, and that sort of kindness of Uncle and Aunt, and all those discussions, it was all so dismal. Till at last I began to feel quite depressed* (Stone, p. 78).

г) *номинативные цепи противоположного характера*. Развивают повествование таким образом, что два ситуанта осмысляются на фоне СФЕ как противоположные друг другу; в некоторых случаях первичное и повторное обозначения отображают какой-то один объект, действие, качество и т.д. в его крайних, противоположных точках. Напр.: (21) Ne vieną ir ne du kartus girdeėjau senus, vadinasi, protingus žmones sakant, kad *nelaimė* niekad nevaikšto viena, vis taiko užpulti žmogų keliese. Dabar pamačiau, kad ir *laimė* nė per smilgos šiaudelį ne kitoniška (Baltušis, 1973, p. 5). (22) *What I want is to save Sien's life and that of her two children. I do not want her to fall back into that terrible state of illness and misery in which I found her. I do not want her ever to feel again that she is deserted and alone* (Stone, p. 132).

В структурном плане номинативные цепи противоположного характера состоят из антонимических повторов. Однако структурными элементами данных цепей могут служить дословный и синонимический повторы, когда их языковое окружение включает частицы, союзы, дейктические элементы и т.д., способствующие противопоставлению. См. по этому вопросу пример (2).

Сказанное выше позволяет заключить, что номинативные цепи логико-смыслового типа представляют собой наиболее обширный, значительный прием семантической организации текстов и в литовском, и в английском языках.

**NOMINATYVINIŲ GRANDINIŲ STRUKTŪRA IR FUNKCIJOS
PASAKOJAMUOSIUOSE LIETUVIŲ KALBOS TEKSTUOSE
(LYGINANT SU ATITINKAMAIS ANGLŲ KALBOS TEKSTAIS)**

J. BUITKIENĖ

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjama nominatyvinių grandinių struktūra ir jų funkcijos tekste. Minėtosios grandinės tekste atlieka dvi pagrindines funkcijas: identifikacijos ir teksto rutuliojimo. Šios funkcijos lemia nominatyvinių grandinių struktūrą. Grandinės, kurių funkcija yra identifikuoti tam tikrą situacijos elementą, susideda iš pažodinio leksemos pakartojimo, įvardinio, implicitinio, sinoniminio pakartojimo. Pasakojamuosiuose tekstuose vyrauja nominatyvinės grandinės,

kurių funkcija – rutulioti pasakojimą viena ar kita kryptimi. Šiam tikslui tarnauja tokie šių grandinių sudėtiniai elementai: sinoniminis, antoniminis, hiponiminis, asociatyvinis pakartojimas, teminės žodžių grupės elemento pakartojimas ir t.t.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буйткене, 1980 – Буйткене Я. Роль лексического повтора в организации текста. – В кн.: *Rišlaus teksto lingvistinė analizė*. V., 1980.

Валейка, 1980 – Валейка Л. Транспозиция в литовском и английском языках: Учебное пособие. – Вильнюс, 1980.

Гак, 1976 – Гак В. Г. О семантической организации повествовательного текста. – В кн.: *Лингвистика текста*. М., 1976.

Дегтярев, 1978 – Дегтярев В. И. Члены предложения. – В кн.: *Семантическая структура предложения*. Калинин, 1978.

Сусов, 1973 – Сусов И. П. Семантическая структура предложения. – Тула, 1973.
Харитонова, 1979 – Харитонова Р. А. О внутритекстовой связности поэтического текста. – *Романо-германское языкознание*. Минск, 1979, вып. 9.

Agricola, 1975 – Agricola E. *Semantische Relationen im Text und im System*. – Halle (Saale), 1975.

Viehweger, 1978 – Viehweger D. *Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text*. – In: *Kontexte der Grammatiktheorie*. Berlin, 1978.

Gleason, 1968 – Gleason H. A. *Contrastive analysis in discourse structure*. – In: *Monograph Series on Languages and Linguistics*. Washington, 1968, vol. 21.

Gutwinski, 1974 – Gutwinski W. *Cohesion in Literary Texts: a Study of Some Grammatical and Lexical Features of English Discourse*. – The Hague: Mouton, 1974.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Avyžius, 1973 – Avyžius J. *Sodybų tuštėjimo metas*. – V., 1973.

Avyžius, 1974 – Avyžius J. *The Lost Home*. – M., 1974.

Baltušis, 1973 – Baltušis J. *Su kuo valgyta druska*. – V., 1973, d. 2.

Baltušis, 1976 – Baltušis J. *Kas dainon nesudėta*. – V., 1976.

Baltušis, 1979 – Baltušis J. *Sakmė apie Južą*. – V., 1979.

Hailey, 1976 – Hailey A. *The Moneychangers*. – London, 1976.

Hemingway, 1963 – Hemingway E. *The Old Man and the Sea*. – M., 1963.

Hemingvėjus, 1967 – Hemingvėjus E. *Senis ir jūra*. – V., 1967.

Lawrence, 1978 – Lawrence D. H. *The Rainbow*. – London, 1978.

Maugham, 1973 – Maugham S. *The Moon and Sixpence*. – M., 1973.

Stone, 1967 – Stone I. *Those Who Love*. – N. Y., 1967.

Stone, 1969 – Stone I. *Dear Theo*. – N. Y., 1969.

Vaižgantas, 1974 – Vaižgantas. *Dėdės ir dėdienės*. – V., 1974.

Vienuolis, 1969 – Vienuolis A. *Amžinasis smuikininkas*. – V., 1969.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas

; Baltų filologijos katedra

[teikta

1980 m. spalio mėn.